

КАНАТОВ АЛМАС КАНАТОВИЧ
*кандидат юридических наук,
ассоциированный профессор,
Академия правосудия при Верховном суде
Республики Казахстан*

К ВОПРОСУ САТЕЛЛИТНЫХ НОРМ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КАЗАХСТАНА И ЕЭС ИЛИ УГОЛОВНОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

(в продолжении статьи Ю.А. Тихомирова,
Журнал «Государство и право», 2017, №5, с.5-10)

Түйін. Мақаланың авторы Қазақстан және Еуразиялық экономикалық одақтың қылмыстық заңнамасындағы сателлиттік нормалардың орны туралы мәселені зерттеді және құқыққолдану тәжірибесінде пайда болатын мәселелерді анықтады. Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясының қылмыстық заңнамасының тиісті нормаларын талдау экономикалық, интеграциялық процестердің әсерінен қылмыстық-құқықтық нормаларының бланкеттілік институты жаңа толтыруға ие болатынын көрсетеді. Осы саладағы салыстырмалы-құқықтық зерттеу қылмыс құрамының нақты белгілерін түсіндіру мен саралауда мемлекеттік органдардың құзыреті туралы мәселені қоюға әкеледі. Түрлі сатылардағы соттар шешімдерін талдау негізінде, Еуразиялық экономикалық комиссияның қарауына олардың қабылдаған үкімдерінің заңды күші, сондай-ақ Қазақстан Республикасының заң жүйесі мен нормативтік құқықтық актілер иерархиясындағы осындай шешімдердің орны туралы мәселелері көтеріледі.

Түйінді сөздер: қылмыстық құқық, қылмыстық заңнама, Еуразиялық экономикалық одақ, бланкеттік нормалар, үкім, қылмысты саралау.

Аннотация. В статье автором исследован вопрос о месте сателлитных норм в уголовном законодательстве Казахстана и Евразийского экономического союза, и выявлены проблемы, возникающие в правоприменительной практике. Анализ соответствующих норм уголовного законодательства Республики Казахстан и Российской Федерации показывает, что под воздействием экономических, интеграционных процессов приобретает новое наполнение институт бланкетности уголовно-правовых норм. Сравнительно-правовое исследование в данной области приводит к постановке вопроса о компетенциях государственных органов в толковании и квалификации конкретных признаков состава преступления. На основе анализа приговоров судов различных инстанций, юрисдикций Евразийской экономической комиссии поднимается проблема юридической силы принимаемых ими решений, а также место таких решений в системе законодательства и иерархии нормативных правовых актов в Республике Казахстан.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное законодательство, Евразийский экономический союз, бланкетные нормы, приговор, квалификация преступления.

Annotation. The author of the article has investigated the issue of the place of satellite norms in the criminal legislation of Kazakhstan and the Eurasian Economic Union, and problems encountered in law enforcement practice have been identified. An analysis of the relevant norms of the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation shows that under the influence of economic integration processes the institution of blanketness of criminal law norms acquires a new content. Comparative legal research in this area leads to the formulation of the question of the competence of state bodies in the interpretation and qualification of specific signs of the crime. Based on the analysis of the sentences of the courts of various instances, the jurisdiction of the Eurasian Economic Commission, the problem of the legal force of decisions taken by them is raised, as well as the place of such decisions in the system of legislation and the hierarchy of normative legal acts in the Republic of Kazakhstan.

Key words: criminal law, criminal legislation, The Eurasian Economic Union, blanket norms, sentence, qualification of crime.

Вместо введения. В статье профессора Тихомирова Ю.А. рассмотрены фундаментальные проблемы современной юриспруденции и юридической практики.

Основные причины недостаточно эффективного воздействия права на общественные процессы профессор Тихомиров связывает с тем обстоятельством, что отношение к праву «часто подстраивается под тот интерес, который характерен для правителя, для правящей верхушки, для какого-то слоя». Кроме того, «наши теории права, - пишет Тихомиров Ю.А., - немножко застревают на месте и считают, что право всегда развивается в одном направлении. Чем больше урегулировано сфер – тем лучше.

Такая однолинейность ставит нас в сложное положение. Мы мечемся, не знаем, почему не получается задуманное. Много хороших деклараций, конвенций, хартий, кодексов чести, много полезных законов в сфере цивилистики, управления, экологии. Но картина другая. Поэтому на этих дорогах развития права выставлять нужно какие-то «пушкинские вёрсты», только тогда можно будет заметить разные векторы, поскольку право не развивается в одном направлении».

В настоящее время функционирует такое интеграционное объединение, как Евразийский экономический союз, «где есть своя правовая система». Это, в свою очередь, открывает широкие перспективы развития нашей правовой науки и практики.

В статье акцент смещён в сторону уголовно-правовой материи, формируемой под «давлением» экономических хитросплетений ЕЭС. За основу взято живое уголовное дело, приведшее к образованию так называемых сателлитных норм, входящих и, в тоже время, выходящих за пределы национальной юрисдикции отдельно взятого государства.

Итак, обо всём по порядку.

1. Касательно приговоров в отношении О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева.

Приговором Октябрьского районного суда города Екатеринбурга от 2 июня 2014 года гражданин Республики Казахстан О.Е. Недашковский был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 226-1 УК Российской Федерации, которое выразилось в незаконном пере-

мещении через Государственную границу Российской Федерации с Республикой Казахстан сильнодействующего вещества 1-тестостерон (в форме его эфиров) массой 2,056 грамма в составе жидкости в двух ампулах с надписью «Sustanon» и того же сильнодействующего вещества (в форме его эфира) массой 3,792 грамма в составе жидкости в четырех ампулах с надписью «Тестостерону пропionato», а также сильнодействующего вещества станозолол массой 12,164 грамма в составе таблеток в емкости с надписью «Azolol».

В совершении такого же преступления, а именно в контрабанде сильнодействующего вещества 1-тестостерон (в форме его эфиров) массой 1,826 грамма в составе жидкости в двух ампулах с надписью «Sustanon» и сильнодействующего вещества метандиенон (метандростенолон) массой 1,938 грамма в составе таблеток в упаковке с надписью «Danabol-methandienone», приговором Октябрьского районного суда города Екатеринбурга от 16 мая 2014 года признан виновным гражданин Республики Казахстан С.П. Яковлев.

Позже судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда оставила без изменения вынесенные в отношении О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева приговоры (апелляционные определения от 28 августа 2014 года и от 2 сентября 2014 года).

Президиум Свердловского областного суда отменил апелляционные определения судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда (от 28 августа 2014 года и от 2 сентября 2014 года) в отношении осужденных Н. и Я., и уголовные дела направил на новые апелляционные рассмотрения в судебную коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда в ином составе суда.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации №22-П от 16 июля 2015 года по делу о проверке конституционности положения статьи 226-1 УК Российской Федерации отмечено, что вынесенные в отношении граждан Республики Казахстан Недашковского Олега Евгеньевича и Яковлева Сергея Петровича судебные решения подлежат пересмотру в установленном порядке с учетом настоящего Постановления.

2. Касательно отмены приговоров.

С учетом постановления Конституционного Суда РФ Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда отменила приговоры, вынесенные в отношении О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева (апелляционные определения от 17 ноября 2015 года и от 19 ноября 2015 года).

3. Касательно компетенций международных наднациональных организаций.

В отличие от государств, обладающих универсальными полномочиями в международном праве и не имеющих ограниченного круга задач, деятельность международных организаций всегда направлена на достижение определенной цели, обозначенной государствами-членами в учредительных актах таких организаций. Международные организации не обладают имманентной компетенцией и объем компетенции конкретной организации зависит от сформулированной государствами-членами цели. В результате, как отмечает немецкий представитель доктрины международного права Эккарт Кляйн, международная организация не может произвольно расширять круг своих задач и полномочий на совершение юридически значимых действий. В подтверждение Международный суд ООН в своем консультативном заключении от 8 июля 1996 г. по делу *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons* указал на то, что международные организации являются вторичными субъектами международного права, обладающими компетенцией, ограниченной функцией достижения общей цели [1].

Принимая вышеуказанное во внимание, представляется необходимым, прежде всего, проведение правового анализа принципа наделения компетенцией (англ. the principle of conferral), объема и границ компетенции Евразийского Экономического Союза. Принцип наделения компетенцией определяет границы компетенции, передаваемой государствами-членами международной организации. При этом в случае сомнений относительно факта передачи компетенции в определенных областях или в конкретных вопросах, предполагается, что компетенция в данной области или по определенным вопросам не была передана международной организации государствами-членами и последние, по-прежнему, обладают широким спектром суверенных прав в принятии актов в этой сфере.

Проведенный анализ положений Договора о ЕАЭС выявил, что государства-члены передали Союзу компетенцию в следующих областях: 1) Таможенный союз, включая вопросы информационного взаимодействия; зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин; 2) внешнеторговая политика, то есть торговая политика в отношении третьих государств, включая принципы применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер; 3) формирование общего рынка лекарственных средств и медицинских изделий; 4) защита прав потребителей; 5) макроэкономическая политика, предусматривающая разработку и реализацию совместных действий государств-членов в целях достижения сбалансированного развития экономики государств-членов; 6) валютная политика; 7) внутренний рынок, в рамках которого обеспечивается реализация свободного перемещения товаров, лиц, в особенности, трудовых мигрантов, услуг и капитала, а также осуществления предпринимательства; 8) регулирование финансовых рынков; 9) налоги и налогообложение, включая принципы взаимодействия государств-членов в сфере налогообложения, принципы взимания косвенных налогов и налогообложение доходов физических лиц; 10) политика конкуренции; 11) транспорт; 12) государственные (муниципальные) закупки; 13) защита интеллектуальной собственности; 14) промышленность; 15) агропромышленный комплекс.

Практика деятельности международных организаций, как обратил внимание Экономический Суд СНГ в своем консультативном заключении от 10 марта 2006 г., показывает - они могут обладать наднациональными полномочиями, что выражается в праве органов международной организации принимать акты прямого действия, обязательные для государств-членов международной организации и подлежащие непосредственному применению на их территориях. Наделение международной организации наднациональными полномочиями означает, что акты, принятые органами международной организации в порядке указанных полномочий, обладают следующими характеристиками:

а) прямым действием - данные акты являются частью действующего на территориях государств-членов законодательства и не требуют выполнения специальных процедур по выражению согласия на их обязательность для государств-членов;

б) приоритетом норм актов международной организации по отношению к аналогичным нормам национальных правовых актов - при возникновении коллизии между ними в процессе правоприменения;

в) обязательностью для исполнения всеми государственными органами, юридическими и физическими лицами государств-членов - нормы актов международной организации непосредственно создают права и обязанности как для государственных органов, юридических лиц независимо от форм собственности, так и для физических лиц;

г) непосредственным применением норм актов международной организации судами государств-членов при разрешении споров с учетом толкования права международной организации, осуществляемого компетентным органом международной организации (судом международной организации).

К вышеуказанным признакам наднациональной международной организации доктрина международного права относит также судебную автономию организации, то есть действие принципа исключительного толкования и применения права организации по определенным вопросам лишь специально созданным для этих целей судебным органом организации. Кроме того, предполагается финансовая самостоятельность наднационального объединения, бюджет которого не зависит от взносов государств-членов и формируется на основе собственных источников дохода (например, таможенные пошлины, поступающие в связи с импортом товаров из третьих государств на территорию Таможенного союза и др.).

Несомненно, не все международные наднациональные организации обладают полным комплексом вышеуказанных признаков. Границы полномочий таких организаций в каждом случае зависят от воли государств-членов, являющихся первичными субъектами международного права. Например, такие организации как Международная Организация Гражданской Авиации (ИКАО) или Международная Метеорологическая Организация (ВМО) обладают лишь частичными признаками наднациональности. Тем не менее, наличие возможности принятия нормативных правовых актов, имеющих обязательный характер не только для государств-членов, но и для физических и юридических лиц, находящихся под их юрисдикцией, является общим и ключевым признаком для международных наднациональных организаций.

4. Касательно компетенции Евразийского Экономического Союза.

В контексте Евразийского Экономического Союза следует отметить, что данное интеграционное объединение обладает признаками наднациональности. В частности, п. 13 Положения о Евразийской экономической комиссии предусматривает, что комиссия в пределах своих полномочий принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов, распоряжения, имеющие организационно-распорядительный характер, и рекомендации, не имеющие обязательного характера. Решения комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов.

Кроме того, в положении п. 1 ст. 6 Договора о ЕАЭС определено, что решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством. Таким образом, право Союза обуславливает исполнение и применение решений Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета от правовых норм, обычно конституционного порядка, государств-членов.

Проведенный анализ правового характера решений Евразийской экономической комиссии показал, что данные решения имеют признаки регулятивного характера, что, в свою очередь, свидетельствует о наличии у права Союза регулятивной функции, что, как известно, представляет собой направление правового воздействия, выражающееся в установлении позитивных правил поведения, предоставлении субъективных прав и возложении на субъектов права юридических обязанностей. При этом содержанием регулятивной функции охватывается: а) закрепление посредством норм права право- и дееспособности граждан; закрепление и изменение правового статуса граждан; определение компетенции государственных органов, полномочий должностных лиц; установление право-

вого статуса юридических лиц (это т.н. регулятивно-статическая функция права); б) определение юридических фактов, связанных с возникновением, изменением и прекращением правоотношений; установление конкретной правовой связи между субъектами права (регулятивные правоотношения); определение оптимального типа правового регулирования (общедозволительного, разрешительного) применительно к конкретным общественным отношениям (регулятивно-динамическая функция).

Примером такого решения может быть решение Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 107 «О техническом регламенте Таможенного союза «Технический регламент на табачную продукцию». На основании указанного решения принимается технический регламент Таможенного союза «Технический регламент на табачную продукцию», который устанавливает обязательные для применения и исполнения на таможенной территории Таможенного союза требования к табачной продукции, выпускаемой в обращение на таможенной территории Таможенного союза, а также требования к информации (маркировке), наносимой на потребительскую упаковку табачной продукции для обеспечения ее свободного перемещения.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ показал следующее. По своей правовой природе решения Евразийской экономической комиссии схожи с регламентами (англ. regulations) Европейского Союза. В соответствии с положением ст. 288 Договора о функционировании Европейского Союза регламент имеет общее действие, является обязательным в полном объеме и подлежит непосредственному применению во всех государствах-членах. Полагаем, что для понимания правовых последствий решений Евразийской экономической комиссии в части влияния на внутригосударственную правовую систему Республики Казахстан в качестве аналогии и иллюстрации необходимо рассмотреть порядок действия регламентов Европейского Союза.

Непосредственное применение (англ. direct applicability) и прямое действие (англ. direct effect) регламента были подтверждены решением Суда Европейского Союза от 7 февраля 1973 г. по делу 39/72, *Commission of the European Communities v Italian Republic*. В данном решении Суд отметил весьма важный аспект, который необходимо учитывать и относительно решений Евразийского Экономического Союза: все методы имплементации противоречат правовой природе регламента, если их результатом становится создание препятствий для прямого действия данных актов и угроза для их синхронного и единообразного применения в целом на всей территории Сообщества. Следовательно, по общему правилу имплементация регламентов запрещена для того, чтобы избежать дублирования и подмены положений самого регламента. Имплементационные мероприятия возможны лишь в случае, если в самом регламенте это прямо предусмотрено, либо это следует из его содержания.

В результате, возвращаясь к вопросу непосредственного применения решений Евразийской экономической комиссии, необходимо отметить следующее: суть прямого действия и непосредственного применения решения заключается в том, что он не нуждается во введении его в правовую систему посредством принятия какого-либо законодательного или подзаконного правового акта; он может применяться государственными органами, в том числе судами, частными физическими и юридическими лицами как часть действующего права, а также напрямую порождать права и обязанности в отношении лиц, находящихся под юрисдикцией государства-члена ЕАЭС. Следовательно, предполагается их вертикальный и горизонтальный прямой эффект. Более того, если решение изложено в доста-

точно ясных и четких формулировках и не содержит положений, которые указывали бы на необходимость его имплементации в национальную правовую систему, следует исключить проведение имплементационных мероприятий, которые могут исказить либо подменить первоначальные объект и цель решения.

Важное значение для определения правовых последствий решений Евразийской экономической комиссии для правовой системы Республики Казахстан и других государств-членов Союза имеют принципы функционирования данного интеграционного объединения. Полагаем, что особое значение в рассматриваемом контексте приобретает следующая норма, закрепленная в ст. 3 Договора о ЕАЭС: «Государства-члены создают благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаются от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза». Следует отметить, что содержание данного принципа дословно повторяет один из элементов принципа лояльного сотрудничества (principle of loyal cooperation), изложенного в п. 3 ст. 4 Договора о Европейском Союзе [2]. Содержание данного принципа раскрывается в решении Суда Союза от 9 марта 1978 г. по делу 106/77, *Amministrazione delle Finanze dello Stato v. Simmenthal SpA*, в котором Суд обратил внимание на то, что взаимоотношение между непосредственно применимыми актами институтом Союза и национальным законодательством государств-членов заключается в том, что вступление в силу первых делает автоматически неприменимым любой противоречащий им национальным нормативный правовой акт, а также исключает принятие в дальнейшем внутригосударственных законодательных мер в той степени, в какой они были бы несовместимы с правом Союза [3]. Последнее связано также с вопросом наличия у институтов Европейского Союза исключительной компетенции: в тех сферах, где государства-члены полностью передали полномочия по принятию решений интеграционному объединению и его органам, односторонние действия государств просто недопустимы [4].

Принимая во внимание наличие принципа лояльного сотрудничества в основе функционирования как Европейского Союза, так и ЕАЭС, полагаем, можно сделать **следующие выводы** относительно правовых последствий решений Евразийской экономической комиссии в отношении правовой системы Республики Казахстан.

Во-первых, в случае возникновения коллизии между решением Евразийской экономической комиссии и национальным нормативным правовым актом следует применять акт Комиссии. Следует отметить, что данный тезис подтверждается, в первую очередь, консультативным заключением Экономического Суда СНГ от 10 марта 2006 года, в котором Суд затронул общие вопросы прямого действия решений международных наднациональных организаций, отметив, что они обладают приоритетом по отношению к аналогичным нормам национальных правовых актов в случае коллизии между ними в процессе правоприменения. К такому же заключению пришел Конституционный Совет Республики Казахстан в своем нормативном постановлении от 5 ноября 2009 г. № 6: «В случае коллизии между обязательным для Казахстана решением международной организации и (или) ее органа и нормативными правовыми актами Республики Казахстан действует решение международной организации и (или) ее органа впредь до устранения такой коллизии» [5].

В любом случае, необходимым представляется применение так называемого принципа согласительного толкования (англ. *indirect effect*), сущность которого заключается в том, чтобы толковать и применять нормы внутригосударственного права в свете права ЕАЭС, то есть таким образом, чтобы обеспечить реализацию

целей Союза и исключить коллизию между нормами национального права и нормами правового порядка ЕАЭС.

Во-вторых, принятие решений Евразийской экономической комиссии делает невозможным издание таких национальных нормативных правовых актов, которые были бы несовместимы с правом Союза и поставили бы под угрозу цели интеграционного объединения. Полагаем также, что принцип лояльного сотрудничества предполагает помимо сказанного постепенную отмену норм, которые бы дублировали решения Евразийской экономической комиссии. Данный вывод подтверждается ранее озвученной правовой позицией Конституционного Совета РК.

В-третьих, по мере того, как исключительная компетенция ЕАЭС и Евразийской экономической комиссии, в частности, будет расширяться (путем ли закрепления конкретных сфер в Договоре о ЕАЭС или же через практику комиссии и Суда Союза), Республика Казахстан, как и другие члены интеграционного объединения, утратит способность принимать в одностороннем порядке нормативные правовые акты в сферах исключительной компетенции ЕАЭС.

Касательно вопросов правоприменения решений Комиссии Евразийской экономической комиссии в правовых реалиях Казахстана, то следует констатировать, что в данных решениях уже присутствует наличие воли Казахстана как государства, которая была выражена как при подготовке, так и в процессе принятия решений комиссии. В связи с этим необходимо отметить, что в данном случае изменяется исключительно форма ее отражения, то есть она представлена не в форме закона или подзаконного НПА, а в решении международной организации [6].

5. Касательно сателлитных норм уголовного законодательства.

Суть правотворческой проблемы заключается в отсутствии в УК РК общей нормы, определяющей фундаментальную правовую или, точнее, уголовно-правовую основу применения других, помимо уголовного, законов и (или) иных нормативных правовых актов, ссылки на которые содержатся или подразумеваются в бланкетных нормах этого УК. Необходимость такой нормы вытекает, в частности, из наличия и сопоставления норм, установленных в чч. 1, 2 и 3 ст. 1 УК РК. Согласно ч. 1 этой статьи «Уголовное законодательство Республики Казахстан состоит из настоящего Уголовного кодекса Республики Казахстан. Иные законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат применению только после их включения в настоящий Кодекс», а в ч. 2 «Настоящий Кодекс основывается на Конституции Республики Казахстан и общепризнанных принципах и нормах международного права. Конституция Республики Казахстан имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики. В случае противоречий между нормами настоящего Кодекса и Конституции Республики Казахстан действуют положения Конституции. Нормы настоящего Кодекса, признанные неконституционными, в том числе ущемляющими закрепленные Конституцией Республики Казахстан права и свободы человека и гражданина, утрачивают юридическую силу и не подлежат применению. Нормативные постановления Конституционного Совета и Верховного Суда Республики Казахстан являются составной частью уголовного законодательства Республики Казахстан», часть же 3 «Международные договоры, ратифицированные Республикой Казахстан, имеют приоритет перед настоящим Кодексом и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона».

Представляется уместным сделать отступление в виде оговорки о том, что

УК РК основывается, с одной стороны, не на всех общепризнанных принципах и нормах международного права, а лишь на тех, которые закреплены в международных договорах РК, и, с другой - международные договоры, нормы которых предусматривают составы преступлений, применяются не непосредственно, а только тогда, когда эти составы преступлений предусмотрены УК РК, либо тогда, когда на международно-правовые нормы прямо указано в УК РК. Последнее положение разъяснено в п. 7 и 8 нормативного постановления Верховного Суда РК № 1 от 10 июля 2008 г. «О применении норм международных договоров Республики Казахстан», где указано, что «Международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений должны применяться в тех случаях, когда норма УК прямо устанавливает необходимость применения международного договора Республики Казахстан [7] (например, статьи 162 и 163 УК). При рассмотрении дела, когда нормы УК предусматривают наступление уголовной ответственности за преступление, запрещенное международным договором Республики Казахстан, суд обязан изучить содержание международных соглашений Республики Казахстан и нормы уголовного закона, предусматривающие уголовную ответственность за деяния, запрещенное международным договором, с целью установления, все ли признаки уголовно наказуемого деяния из международного договора Республики Казахстан включены в уголовный закон, выяснить вопрос ратификации, дату вступления в силу и т.п.

В силу части 4 статьи 6 УК вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Республики Казахстан, разрешается в соответствии с нормами международного права (в частности, в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 года, Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 года) и другими международными договорами Республики Казахстан».

6. Касательно применения статьи 226-1 УК РФ.

Бланкетные уголовно-правовые нормы носят исключительно императивный характер.

Нормы, закрепленные в ст. 226.1 УК РФ носят бланкетный характер, их применение возможно лишь в единстве с положениями других нормативных актов, определяющих законное и незаконное перемещение предметов, в отношении которых установлены специальные правила перемещения, по уголовному делу О.Е.Недашковского и С.П. Яковлева - через Государственную границу Российской Федерации.

По смыслу закона, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ, являются отношения, обеспечивающие общественную безопасность в сфере оборота сильнодействующих веществ. Дополнительным непосредственным объектом являются отношения, характеризующие установленный порядок перемещения специальных предметов через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. К предмету преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ, относятся не являющиеся наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами, зарегистрированные в Государственном реестре лекарственных средств для медицинского применения, сильнодействующие вещества, а также их лекарственные формы.

В соответствии с заключенным Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией Договором о Таможенном кодексе

Таможенного союза от 2009 года и Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, территории Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации составляют Единую таможенную территорию Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. На внутренних границах этих трех стран снят контроль за перемещением товаров, функционирует внутренний рынок товаров, а также осуществляется единое таможенное регулирование и свободное перемещение товаров между территориями государств - членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного, фитосанитарного), за исключением случаев, предусмотренных данным Договором. В отношении перемещаемых в пределах единой таможенной территории Таможенного союза, состоящей из таможенных территорий государств - членов Таможенного союза, товаров, происходящих из третьих стран и выпущенных в свободное обращение на территории Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации отпала необходимость таможенного оформления.

В соответствии с п. 1 ст. 352 Таможенного кодекса Таможенного союза товары для личного пользования перемещаются через таможенную границу в порядке, установленном главой 49 этого Кодекса, а в неурегулированной ею части - в соответствии с порядком, установленным таможенным законодательством Таможенного союза.

Единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС в торговле с третьими странами, утвержденный Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16 августа 2012 года № 134 «О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования», включает ядовитые вещества, не являющиеся прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ, лекарственные средства и фармацевтические субстанции. Закрепленные в нем правила распространяются только на торговлю с третьими странами, но не между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией.

Признаком объективной стороны контрабанды при перемещении предметов через Государственную границу Российской Федерации с государствами членами таможенного союза в рамках ЕврАзЭС является незаконность способа, который применялся правонарушителем для преодоления пограничного контроля, для уклонения от такового, то есть определение того противоправного способа, посредством которого в нарушение режима государственной границы специальные предметы оказались перемещенными через Государственную границу Российской Федерации.

Органами предварительного следствия в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении, учитывая отсутствие не только таможенного, но и пограничного контроля на границе между Республикой Казахстан и Российской Федерацией, такой способ не указан. Таким образом, предъявленное Недашковскому О.Е. и С.П. Яковлеву обвинение не конкретизировано в части указания нормативных актов, регламентирующих трансграничное перемещение сильнодействующих веществ, и способа такого перемещения.

В соответствии с ч. 1 и ч. 2 ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Отсутствие в предъявленном обвинении вышеприведенных сведений о нор-

мативных актах, регламентирующих трансграничное перемещение сильнодействующих веществ и способа такого перемещения, не предоставляет суду процессуальной возможности самостоятельно уточнить либо конкретизировать предъявленное обвинение.

По мнению Судебной коллегии, наличие в предъявленном обвинении такого нарушения, в силу п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, являлось препятствием для принятия судом итогового решения по делу на основании данного обвинительного заключения, и влекло необходимость разрешения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, поскольку указанное нарушение является существенным и, как связанное с уточнением обвинения в части обстоятельств, имеющих существенное значение при доказывании, не может быть устранено судом в ходе рассмотрения дела. Неустранимо такое нарушение и при рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции.

Таким образом, (учитывая «сателлитность» анализируемого законодательства (в том числе и в рамках статей 286 УК РК и 226-1 УК РФ)) приговор в отношении Недашковского О.Е. и и С.П. Яковлева подлежит отмене, а уголовное дело - возвращению прокурору ... для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Вместо вывода. Проблема сателлитных норм - не праздная проблема. Евразийский экономический союз (ЕЭС) является по своей юридической природе интеграционным объединением и, соответственно, обладает признаками наднациональности. Между тем в компетенцию ЕЭС вопросы нормотворчества в уголовно-правовой сфере не относятся. Однако, в связи с объективностью данных института бланкетности в конструировании уголовно-правовых норм, «экономические категории» породили собой естественные изменения норм уголовного законодательства.

Список литературы:

1. Консультативное заключение Международного Суда ООН от 8 июля 1996 г. по делу *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons*, I.C.J. Reports 1996, P. 226.
2. Договор о Европейском Союзе (в редакции Лиссабонского договора), <http://eulaw.ru/treaties/teu>.
3. Решение Суда Европейского Союза по делу 106/77, *Amministrazione delle Finanze dello Stato v.*
4. *Simmenthal SpA*, от 9 марта 1978 г., (1978) ECR 629. 12. Majone G. *Dilemmas of European Integration: the Ambiguities and Pitfalls of Integration by Stealth*. - New York 2005. - 256 p.
5. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 5 ноября 2009 года N 6 «Об официальном толковании норм статьи 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов», <http://ksrk.gov.kz/rus/resheniya/?cid=11&rid=533>.
6. Вестник Института законодательства Республики Казахстан №5 (41) 2015 г. – с.97-104.
7. Нормативное постановление Верховного Суда РК № 1 от 10 июля 2008 г. «О применении норм международных договоров Республики Казахстан». Интернет ресурс <http://adilet.zan.kz>.